

Н. А. Шехтман
(Оренбург)

ЭМПИРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Предпосылкой большинства современных работ по семасиологии является тезис о ненаблюдаемости семантических категорий. В этой связи показательны слова О. С. Ахмановой о том, что в высказываниях значения фактически не представлены, что семантические акты не наблюдаемы [1]. Аналогичные мысли сформулированы в работах Э. М. Медниковой [2], М. И. Черемисиной [3] и ряда других авторов.

С другой стороны, совершенно ясно, что до тех пор, пока мы не ограничим семасиологическое исследование фиксируемыми и поддающимися обработке фактами, строгость лексической семантики останется недостижимым идеалом. Единицы языка должны изучаться в их материальных реализациях. Наибольших успехов достигли те семасиологи, которые опирались в своем анализе на реализацию значений многозначного слова в разных лексических окружениях. Правы те лингвисты, которые считают, что язык (а значит, и его семантический аспект) представлен в конкретных актах говорения [4].

Тезис об эмпирической данности семантических явлений в первую очередь относится к области методологии. Основа самого восприятия тех или иных элементов — некоторый стереотип концептуальных установок, детерминирующий то, что лингвист видит и ищет в исследуемом материале. Но отсюда следует, что обсуждаемый тезис выходит за рамки методологического спора и приобретает прагматический смысл.

Широкая распространенность утверждения о скрытом характере семантики объясняется, по-видимому, тем, что, как отмечал Н. Винер, в общественных науках связь между наблюдаемым явлением и наблюдателем очень трудно свести к минимуму [5]. Интроспекция, один из главных методов языковедческого анализа, породила не только множество интерпретаций одного и того же материала, но и бесчисленное количество его классификаций, часто не сводимых к сопоставимому виду.

Интроспекция, описание сущности и свойств внеязыкового порядка не могут быть достаточно глубокими и полными, если они выполнены только языковедом. Данное обстоятельство неоднократно отмечалось в работах А. А. Потебни [6], Л. Блумфилда [7], Л. В. Щербы [8]. Совсем недавно к этой мысли вернулся У. Чейф, который пишет: «Пытаясь глубже проникнуть в явления речи, я обнаружил, что неизбежно вторгаюсь в области как эпистемологии, так и психологии. Например, мне

представляется, что употребление определенного артикля в английском языке в значительной степени зависит от соображений более широкого плана, в основе которых лежит масса человеческих знаний, так что любая попытка объяснить это явление должна отражать эти знания. Кроме того, все эти соображения зависят в конечном счете от человеческого сознания, так что в конце концов никакое адекватное объяснение невозможно без более глубокого понимания природы мозга и его функционирования» [9].

Лингвист не может и не должен описывать природу мозга и его функционирование. Лингвисту естественнее подойти к анализу внутриязыковых связей изучаемых явлений с позиций своей науки, основываясь на рассмотрении данных в опыте лингвистических фактов, ни в какой другой науке не изучаемых более детально, чем в языкознании. Но в таком случае нам необходимо договориться о том, что можно считать данным в опыте применительно к целям и задачам нашей науки.

Сам принцип эмпирической данности, возможность наблюдать факты и определять, какие факты наблюдаемы, а какие — нет, регламентируется мировоззрением, знанием, тезаурусом наблюдателя. (В этом случае под тезаурусом понимается описание представлений некоторого наблюдателя о внешнем мире [10].)

Но не только от этих факторов зависит эмпиричность языковых категорий. В силу неомогенности изучаемого объекта (в нашем случае — семантического пространства некоторого языка) необходимо сделать следующее допущение: одни характеристики объекта наблюдаемы, другие — нет. При этом будем различать две стороны этого принципа: непосредственно данное нам в восприятии и воспринимаемое опосредованно. Здесь важно подчеркнуть, что мы имеем в виду не только физическое, но и концептуальное восприятие, умение поставить новое в какое-то соотношение с уже известным.

Язык служит для передачи смысла. Поэтому центральной для языковедов является проблема значения. Физические звуки выполняют свою функцию как лингвистические объекты лишь в силу того, что за ними стоит система значений. Именно закрепленность значения за знаком делает семантические величины эмпиричными. О скрытых семантических инвариантах мы судим по их вариантным манифестациям, которые доступны нашему наблюдению. (Ср., например, положение в семантике с положением в физике: электрического тока мы не видим, но существует амперметр, с помощью которого мы можем сказать, какова его сила.)

Лексические значения зависят не только от отраженного материального мира, но от внутриязыковой организации лексики. Соответственно словесный план содержания можно изучать с точки зрения его отношения к обозначаемым референтам

(в широком понимании этого термина) и с точки зрения отношений, которые существуют между планами содержания изучаемых знаков.

Исходя из того, что в языке диалектически взаимодействуют форма и содержание, мы считаем, что нет языковой формы без значения и что всякое значение имеет свою языковую форму. Если разница в значениях двух лексических единиц не может быть показана, значит, ее не существует. И наоборот, если мы можем говорить о различии в значениях лексических единиц, то мы вправе говорить и о самих значениях.

Оставаясь непосредственно ненаблюдаемой категорией, семантические величины обнаруживают себя в процессе функционирования языка благодаря некоторым рефлексам. Рефлексы эти суть формальные явления, которые могут быть описаны в материальных терминах.

Единицы плана содержания — семантические множители. То, как они сочетаются и комбинируются друг с другом, представляет собой их план выражения. В комбинаторике семантических множителей — форма содержания. Способы соединения семантических единиц в конфигурации большей или меньшей степени сложности указывают на специфичность самих семантических структур. Ограничения в сочетаемости семантических элементов позволяют судить как об отдельных множителях, так и о семантических структурах в целом.

Свидетельством эмпирической реальности семантических единиц является сама *возможность их вычленения и локализации*. Так, АВС и СЕМ, с одной стороны, и АВЕ и СВЕ — с другой, наглядно демонстрируют степень близости сложных выражений, состоящих из простых, при этом содержание символов даже не раскрывается. Очевидно, что АВС и СЕМ содержат один совпадающий элемент, тогда как АВЕ и СВЕ совпадают в двух своих элементах. Современные модели семантического описания, как правило, содержат процедуру, с помощью которой определяется удельный вес семантического компонента, что является надежной основой для проведения семасиологических сопоставлений.

Доказательством опытной данности смысловых сущностей служит также *возможность построения семантических полей при помощи методик, которые опираются на распределение слов в тексте*, а не на предварительное знание значений этих слов. Наибольший интерес в этом плане представляют работы А. Я. Шайкевича [11].

Корреляция слов в тексте обусловлена смысловой связью этих слов. Семантические признаки слов некоторым образом коррелируют с их «поведением» в связанном тексте и тем самым обнаруживают себя. В целом ряде работ *расщепление семантической структуры слова на лексико-семантические варианты* произведено на основе соотношения значения слова и органи-

зуемой им модели. Однопорядковые модели указывают на смежность значений, тогда как разнопорядковые модели — на различие значений. Так структурный фактор указывает на семантические параметры [12].

Но самым убедительным, на наш взгляд, свидетельством того, что семантические категории доступны количественной и качественной обработке в той же мере, как и единицы плана выражения, может служить *корреляция семантических и количественных характеристик изучаемых единиц*. При этом следует подчеркнуть, что сопоставляя количественные манифестации отдельных сторон семантической системы языка, мы все же в первую очередь интересуемся ее качественными аспектами.

Как показало предпринятое нами исследование [13], наиболее типичными семантическими отношениями, в которые вступают признаковые слова современного английского языка, являются интерпретация, противопоставление, градация, конкретизация и оценка, например:

интерпретация — abscond :: desert;

противопоставление — good :: bad;

градация — ask :: beg :: implore;

конкретизация — rich :: manifold;

оценка — companion :: buddy.

Названные сугубо семантические особенности признаковых слов характеризуют их языковой статус. В речи эти особенности отражаются в частотности употребления слов. Иными словами, семантические параметры лексических единиц актуализируются в формальной сфере. Так, интерпретируемое слово всегда ниже по частотности, чем слово-интерпретатор. Частотности слов, связанных отношением противопоставления, обычно совпадают и отличаются высокими индексами. Градация связывает слова с постепенно убывающими частотными индексами, причем чем ниже индекс, тем выраженнее градация; конкретизация охватывает слова, частотности которых резко отличаются, причем чем специфичнее значение слова, тем ниже его частотность; и, наконец, оценку характеризует постепенное убывание частотностей при невысоких показателях исходного слова [14]. Обозначив частотность через f , получаем следующие «числовые рисунки» обсуждаемых типов семантических отношений:

интерпретация $f_1 < \frac{f_2}{f_1} \leq 10$;

противопоставление $f_1 \approx f_2 \geq 25$;

градация $100 > f_1 > f_2 > f_n$;

конкретизация $f_1 = 3f_2$;

оценка $20 \geq f_1 \geq f_2$.

Приводимые частотные корреляции также могут служить свидетельством того, что семантические категории поддаются описанию в эмпирических терминах.

В заключение необходимо обратить внимание на то, что

тезис об эмпирической данности семантики имплицитно присутствует во всех рассуждениях, касающихся амбивалентных контекстов. Подобные контексты трактуются как структуры, не содержащие ограничителей, которые бы элиминировали нерелевантные значения сочетающихся слов. Но ведь это значит, что в неамбивалентных структурах такие ограничители имеются. Именно они и являются актуализаторами семантических признаков сочетающихся слов. Изучение таких актуализаторов — задача первостепенной важности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ахманова О. С. и др.* Основы компонентного анализа. М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 2.
2. *Медникова Э. М.* Значение слова и методы его описания. М.: Высшая школа, 1974, с. 100.
3. *Черемисина М. И.* О семантических функциях слова в языке, речи, тексте.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1969, с. 123.
4. *Колшанский Г. В.* О правомерности различения языка и речи.— В кн.: Иностранные языки в высшей школе. М., 1964, с. 22.
5. *Винер Н.* Кибернетика. М.: Наука, 1958, с. 201—202.
6. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1958, т. 1, с. 19—20.
7. *Блумфилд Л.* Язык. М., 1933, с. 144.
8. *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии. Избранные труды по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958, т. 1, с. 68.
9. *Чейф У.* Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975, с. 6.
10. *Шрейдер Ю. А.* Об одной модели семантической теории.— В кн.: Проблемы кибернетики. М., 1969, вып. 13, с. 223.
11. *Шайкевич А. Я.* Распределение слов в тексте и выделение семантических полей.— Иностранные языки в высшей школе, 1963, № 2.
12. См., например, работы *Перебийнос В. И.*: К вопросу об использовании структурных методов в лексикологии.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1962; ее же: Об использовании структурных методов для разграничения значений многозначного глагола.— Вопросы языкознания, 1962, № 3.
13. *Шехтман Н. А.* Семантическая редупликация и проблема тезауруса: Автореф. дис. докт. филол. наук. Л., 1977.
14. Подробнее об этом см.: *Шехтман Н. А.* Частотность слова и его позиция в тезаурусе.— Научно-техническая информация. Серия 2. М.: ВИНТИ, 1978, № 5.

И. Г. Кошова
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКЕ

Грамматическое моделирование времени и пространства в их количественно-качественной оценке имеет в языке различные формы проявления, одно из которых — сужение пространственного диапазона через посредство адвербиальных элементов. Особого внимания в этом плане заслуживает частица *to*: роль ее в языковом выражении весьма многомерна. В современном английском языке она выступает и предлогом (типа *to give it*